

"Леди Пятая".

Какаши кивает в знак приветствия, стоя перед Цунаде и Шизуне в её кабинете. Он зашел к брюнетке, которая ругала Хокаге за то, что та завалила ее бумагами... и за то, что она пила днем. Он пожалел, что не вошел в кабинет, не пришлось бы притворяться, что он этого не слышал. Он уважает Хокаге, как и все его коллеги-шиноби. Он считает, что у каждого есть своя фишка. Хокаге - не исключение, с ее пьянством и неудачными азартными играми, но он не мог ее винить. Ему хорошо известно, какой стресс возникает при содержании и защите такой значимой деревни, как Лист. Он видел это. Минато-сенсей. Лорд Третий. Это всегда давало о себе знать. Часто в этом обществе все заканчивается фатально рано.

Это несчастная работа.

"У меня есть отчет об осмотре госпожи Кацумэ", - произносит он официально, не сильно отличаясь от обычного тона.

Цунаде поднимает глаза от огромных стопок документов, которые, как решила Шизуне, ей необходимо срочно перебрать.

"О. Уже? Как быстро, - удивленно спрашивает она, - Ну что, какой у тебя отчет?"

Какаши коротко вспоминает ценные моменты теста. Он был и остается уверенным в своем решении пройти ее. У него было интуитивное чувство. Даже с учетом ее нынешних способностей, она обладала значительным потенциалом, чтобы превзойти все имеющиеся у нее ограничения. Он сцепил руки в перчатках за спиной и начал излагать свой отчет по памяти.

"Она успешно прошла мой экзамен, превзойдя все мои ожидания. С самого начала я занимался ближним боем. Она показала продвинутое способности в тайдзюцу, а ее физическая сила была значительной. Это было до того, как она сняла печать с чакры", - поясняет он. Ему показалось, что он хвастается ею, но он не обратил внимания на это ощущение.

Цунаде хмыкнула, заставив его сделать паузу. "Подавление чакры, да? Что ж, это объясняет, почему поток чакры казался таким слабым. Приношу свои извинения. Пожалуйста, продолжайте."

"Конечно, я тоже это почувствовала, но когда печать была снята, давление от неё было огромным. Не зная среднего уровня чакры, невозможно определить, как долго она ее подавляла". Кацумэ также владеет редким кристаллическим кеккей-генкай. Я никогда не видел его раньше, но определил, что он относится к Стилю Земли, обнаружив, что огненные и молниеносные типы наиболее эффективны в противодействии ему. Она невероятно хорошо контролирует свою чакру, а также владеет необычной техникой. Она также сообщила мне после завершения теста, что владеет техникой вызова, но мне еще предстоит проверить, так ли это на самом деле".

Цунаде внимательно слушает, как он рассказывает о своих выводах. Все это было очень интригующе, особенно то, как Кацуме мог создать кристалл кеккей-генкай. Как правило, они являются генетическими. Однако бывают и счастливые исключения. Не удивительно, если она действительно владеет техникой вызова, учитывая ее таланты и таланты Джирайи. Бесконечные вопросы, кружащиеся и вертящиеся в голове, обрушивают на нее тяжелую волну вины. Неумолимая и жестокая волна, не знающая пощады ни перед кем. Даже Хокаге. Волна, топящая её в упущенных возможностях, заполняющая все её отверстия солёным стыдом. Каждый вопрос, на который нет ответа, ледяной и острый. Стыд, сожаление и печаль

наваливаются на ее самоощущение, как непосильная ноша. Как бы сильна она ни была, как бы хорошо ни умела плавать, эта безжалостная волна может утопить любого. Она не выбирает, кого топить. Она обрушивается, куда ей вздумается, и никто не может от нее спастись. Никто не может переплыть неумолимую волну. Она может только сдаться. Поддавшись его безудержному напору, она позволяет ему заполнить ее отверстия и утопить ее в утраченном опыте. В конце концов, в этом виновата только она сама. Она заслуживает того, чтобы захлебнуться в собственных оправданиях.

"Это все?" - спрашивает она стоящего перед ней мужчину.

"Да, леди Пятая", - отвечает он, передавая ей письменный отчет и ожидая ее следующего приказа.

"Хорошо, тогда я разрешаю ей повышение. Она будет неоценимым помощником для Деревни Листьев. Я хочу неофициально назначить ее в Седьмую команду, а ты, Какаши, продолжай оценивать ее способности".

Цунаде смотрит на свои руки, аккуратно сложенные на столе над документом, и молча читает детали экзамена.

Он прочищает горло, привлекая ее внимание: "При всем моем уважении к Леди Пятая, я чувствую, что здесь что-то упущено. Если Кацумэ назначается в мою команду, то я считаю, что мне крайне важно иметь все необходимые..."

"Это твой приказ", - перебила она, усугубляя ситуацию, - "Просто... присматривай за ней". Цунаде проводит рукой по лицу, упираясь в него лбом, и читает. У нее нет плана. Что она должна делать? Не очень-то правильно посылать ее на одиночные миссии с самого начала. Бумажная волокита с ее повышением сама по себе будет хлопотной: повышение нового гражданина, минуя все необходимые ступени, вплоть до джоунина. Какаши считает, что она готова, и доверяет его мнению, но о ней еще так много неизвестно - ее прошлое является главной загадкой.

"Держите меня в курсе", - тяжело вздыхает она, - "Вы свободны".

Какаши кивает и кланяется, после чего выходит из кабинета Хокаге. Он был раздосадован, хотя и скрыт маской и повязкой. В такие моменты он был рад, что у него есть возможность спрятаться за ними. Не спрятаться. Скрыть. Он не прячется. Прятаться - значит бояться. А это не то, что он делает.

Следуя приказу, он решает найти Кацумэ и проинформировать ее о новой должности. Это не должно быть слишком сложно, ведь он был с ней всего несколько часов назад. Теперь, когда он подумал об этом, он несколько неловко отмазался от их обеденного свидания. Нет. Не свидание. Он мысленно проклял себя. Кацумэ, наверное, нашла бы его мысли забавными.

Случайно забредя в деревню в поисках Кацумэ, он обдумывает свое новое задание. Он не ожидал, что ее испытание будет объединено в длительную миссию. Что-то происходит, о чем леди Цунаде не хочет, чтобы он знал. Но он не мог понять... почему? Почему Цунаде хочет, чтобы он следил за дочерью Джирайи? Ну, они хорошие друзья, так что это вполне логично. Но тогда почему вокруг нее все так засекречено? Что случилось в ее прошлом, о чем ни она, ни Кацумэ не хотят говорить? Почему с ее способностями она уже не была ниндзя? Кто научил ее тому, что она знает? Чем она жила до прихода в деревню? Он знал, что несколько дней назад её здесь не было, это точно.

Если Хокаге не знает о связи Кацумэ с Джирайей, то почему за ней нужно так пристально следить? Он уже почувствовал на себе несколько пар глаз во время осмотра. Одна пара, он был уверен, принадлежала Мастеру Джирайе. Другая пара показалась ему знакомой. В них не было ничего зловещего, так что, скорее всего, это был Анбу. Уж больно много глаз на одной женщине.

В раздумье он провел руками по волосам. Да, конечно, она сильна, но Цунаде не знала об этом факте, потому что не было бы смысла поручать ему изучать ее. Хокаге могла бы просто повысить ее в должности по рекомендации. Так почему? Почему так важно, чтобы она нуждалась в постоянной охране, несмотря на ее очевидную способность защитить себя?

Вопросов было слишком много.

Солнце резко уходило с небосклона, окрашивая его в идиллические оттенки оранжевого, розового и лавандового. Белесый проблеск, купающийся в великолепных оттенках атмосферы, поднимает взгляд выше.

А, вот и она.

Он переходит на крышу круглого прямоугольного жилого дома. Кацумэ сидит на краю, обхватив руками колени. Повернувшись спиной к мужчине, она с обожанием смотрит на деревню, непокорные локоны неторопливо развеваются на тихом вечернем ветерке.

"Эта деревня так очаровательна", - произносит она, не поворачиваясь к нему лицом.

Какаши хмыкает: "Это точно".

"Я не ожидала, что ты придешь меня искать". Голос ее гладкий, как масло. Ее глаза не отрываются, когда она наблюдает за закатом во всем его великолепии.

Он негромко усмехается: "О? А кого вы ждали?"

Она мягко улыбается: "Друга".

В этот момент она была воплощением спокойствия. Он почувствовал, что может слушать этот шелковистый голос часами, и эта мысль удивила его.

"Я не знал, что у тебя здесь есть друзья". Он поддразнил ее, хотя это было правдой.

"Да, ну, что ты знаешь", - ответила она, и с ее губ сорвалась тихая усмешка.

Выпустив воздушный смешок, он отошел к краю рядом с ней, чтобы полюбоваться пейзажем.

"Похоже, ничего". Он засовывает руки в карманы и после короткого мгновения мирной тишины вспоминает, зачем он здесь. "Что весьма прискорбно, поскольку вы были назначены в мою команду".

Это привлекает ее внимание, и она смотрит на его профиль. "Команда?"

Он опускает голову, встречая ее недоуменный взгляд, как у медовой ловушки: "Да, моя команда генинов. Вы снова сделаете нас командой из четырех человек. Отдельные джонины назначают трех генинов, чтобы те учили их и были их проводниками в становлении элитных ниндзя. Но поскольку ты новичок, Хокаге назначил тебя в мою команду, чтобы ты сначала освоился. Понять, что к чему".

"А, понятно", - говорит она, понимая. Она снова окинула взглядом деревню: "Похоже, я буду видеть тебя гораздо чаще", - поддразнила она, улыбнувшись уголками губ.

Это замечание могло иметь два разных смысла, подумал Какаши. Либо она снова флиртует с ним, либо шутит и притворяется раздраженной, и ее мягкая улыбка мало что говорит о том, на что она намекает. Лучше перестраховаться, чем предполагать.

"К сожалению", - насмешливо согласился он, но тут же рассмеялся. Он мысленно вздыхает с облегчением, присаживаясь на край, и слышит, как она тоже хихикает.

Она насмехается, слегка покачивая головой, глядя на его улыбающиеся глаза, когда его тело вздрагивает от смеха. Ей показалось, что у него приятный смех - негромкий и спокойный, как вечерний бриз. Она не могла не захотеть услышать больше. Он был приятен для ее чувств - прохладный, как освежающий аромат мяты и сосны.

Наступила тишина, когда закат уступил место лунному свету, и два знакомых человека умиротворенно смотрели на Коноху во всей ее идилической красоте.

Какаши поворачивается к ней лицом, глядя на ее профиль, а в голове у него все еще бушуют вопросы. Он хочет узнать больше об этой необычной ситуации. Нет. Ему это необходимо. Он наблюдает за тем, как свет луны и мягкое сияние фонарей, рассыпанных по деревне, начинают сливаться на ее слегка загорелой коже, и гул жизни начинает затихать на ночь.

"Я свободен для предыстории", - мягко спрашивает он, его голос низкий и спокойный.

В глазах Кацумэ появляется тот самый блеск, который он уже слишком хорошо знает: "О? Ты имеешь в виду ту, которую я приберегу для нашего второго свидания?"

Какаши закатывает глаза, ехидно посмеиваясь, но если это означает получение нужной ему информации, он готов подыграть: "Конечно".

Ее глаза расширились, а улыбка стала ярче. Конечно, она пошутила, и у нее было ощущение, что он забавляется ее игривостью, но она не стала отказываться. Он заинтриговал ее стоическим профессионализмом, который она видела у него до сих пор, и ее любопытство не могло устоять перед тем, чтобы найти все его стороны. Ей трудно поверить, что она познакомилась с ним только вчера. Столько всего произошло с тех пор, как она приехала. Кажется, что она здесь уже давно. Жизнь в Конохе казалась естественной. Как будто она должна была быть здесь.

Она любопытно хмыкнула. "Надо же, Какаши Хатаке, я бы не приняла тебя за безнадежного романтика, - ухмыляется она, - Рандеву на крыше под лунным светом? Надо отдать тебе должное".

Его взгляд встречается с ее улыбкой. Ее зубы и локоны цвета слоновой кости позорят даже щедрый блеск луны.

"Еще бы", - самодовольно улыбается он, - "Так что привело тебя в Коноху?"

Он выкладывает по полной, но может признать, что не возражает против ее присутствия. Она была приятно расслаблена по сравнению с их дракой и обеденным "свиданием". Он ощущает странное чувство комфорта рядом с ней. Как будто он всегда знал ее. Как старый друг, приехавший из дальнего путешествия. Как будто она всегда существовала для него, но никогда не присутствовала.

Она делает паузу и смотрит вдаль, обдумывая свой ответ: "Вы поверите мне, если я скажу, что нахожусь в путешествии по самопознанию?" Она полусмеется.

"Наверное, нет", - коротко отвечает он.

"Ну, наполовину вы правы", - усмехается она, но тут же сникает, когда он не смеется, все еще ожидая ее ответа: "В общем... Я была в своеобразном поиске своих биологических родителей, и это привело меня сюда".

"И тогда ты нашла мастера Джирайю? Вы нашли свою мать?" - спросил он. Кусочки головоломки складывались в единое целое, но многих еще не хватало.

"Да, вообще-то, сначала я нашла свою мать, и по стечению обстоятельств Джирайя нашел меня". Она тихонько рассмеялась, вспомнив горько-сладкие воспоминания. Она жалеет, что они не встретились при более благоприятных обстоятельствах, но, надеюсь, в будущем она будет в том месте, где сможет вспоминать об этой встрече и смеяться более искренне.

"Понятно." Кусочек за кусочком, с нетерпением подумал он. "Следующий квест..."

"Ух, бап, бап", - прервала она его указательным пальцем, - "Теперь моя очередь". Она нахально улыбается, сцепив руки на коленях и слегка покачивая ногами взад-вперед по карнизу. "Хм, могу я спросить, почему ты прикрываешь глаз?"

"У меня есть Шаринган".

Ее глаза удивленно расширились. Ну и ну, подумала я и начала немного дерзко. Не ожидала, что он ответит так охотно, подумала она.

Словно прочитав ее мысли, он продолжил: "Мы теперь коллеги. Вы должны знать".

Она начинает задавать другой вопрос, вероятно, о его маске, но он быстро прерывает ее.

Он прочищает горло, немного стыдясь своего грубого поступка: "Ответ на мой вопрос... во время нашего обеда. Не могли бы вы уточнить?"

Она ухмыляется: "Нашего обеда? Мне нравится, как это звучит". Она подмигивает, и он глубоко вдыхает, предлагая ей вернуться к обсуждаемой теме. Хорошо... "Как я стал таким сильным, как сейчас?". Как и обещал, я расскажу. Постараюсь рассказать как можно короче..."

"Не нужно. У меня есть время".

Кацумэ улыбается. "Ладно... Тогда лучше устраивайся поудобнее", - легкомысленно предупреждает она.

Какаши поворачивается к ней лицом, поднимая колено, чтобы опереться на него локтем. Она переносит свой вес, опираясь на ладони.

Она глубоко дышит, готовясь, по сути, отдать свою душу незнакомому человеку. Но в этом-то и прелесть, подумала она. Кто может быть лучше, чем кто-то свободный от осуждения? Незнакомец - это просто незнакомец. Незнакомец. Без привязанностей. Свободный от любого груза. Свободные и открытые плечи, готовые принять ее бремя, тяжесть, которую она несет. Готовы помочь ей подняться и облегчить ее шатающиеся ноги, хотя бы на мгновение.

"Моя мать, можно сказать, не была готова ко мне... поэтому она оставила меня с этой

женщиной, которую едва знала, чтобы та меня вырастила. Как выяснилось, старая летучая мышь, с которой она меня оставила, была выдающимся шиноби еще во времена расцвета Первой Великой войны ниндзя. Но это все, что я о ней знаю. Она даже не сказала мне своего имени. Некоторые пожилые люди из моей деревни называли ее Ироха, но я не думаю, что это было ее настоящее имя. Я никогда не называл ее так. Для меня она всегда была просто "Старая летучая мышь". Она даже никогда не поправляла меня. Она просто смирилась с этим", - она издала мрачный, задыхающийся смех, - "В общем, именно она научила меня всему, что я знаю. Она была очень жесткой. Она гордилась тем, что контролирует чакру, и вдалбливала мне эту скучную чушь каждый раз. Каждый. День. Я не помню, когда она начала меня обучать, но, зная эту сумасшедшую старую карга, я не удивлюсь, если это было до того, как я смог об этом спорить. В конце концов, контроль чакры стал для меня как третье легкое. Просто часть меня, как вторая натура. А ведь она была такой занудой". Кацумэ захихикала.

Какаши позволил ей предаться воспоминаниям. У него был ответ, но он не возражал, если бы она продолжала говорить. Ее голос был таким же сладким и ровным, как и ее глаза-ловушки. Какаши прислушивался к каждому слову, произнесенному ее губами. Даже ругательства она воспринимала с пониманием, используя их, чтобы подчеркнуть особенно сильные чувства. В ее голосе было столько искренних эмоций, словно сама Эмоция была заперта в каждом приторно-сладком, покрытом золотом слоге.

Вот кем он был...

Застрял.

"Похоже, вы ее очень любите". Он предлагает ей улыбку, которую она на мгновение возвращает.

"Да... люблю. Она - все, что у меня было". Ее голос падает вместе с чертами лица.

"Что случилось?" Он вздрагивает, так как не смог остановить вопрос, прежде чем он сорвался с его губ.

Кацумэ замечает, что он слегка сморщился от своего бесчувственного вопроса. "Все в порядке. Она умерла, когда мне было двенадцать лет. С тех пор я живу одна".

Она слабо улыбается, но его взгляд подсказывает ей, что нужно продолжать. "Я хочу знать все", - сказал он. И по какой-то причине она не хотела останавливаться. Она хотела продолжать. Отвечать на все вопросы, которые он задавал, и на те, которые он не задавал. Она не знала, почему. Может быть, дело в том, как он слушал. Как он цеплялся за каждое слово, словно от него что-то зависело. Как он слегка наклонялся или наклонял голову время от времени, как напоминание о том, что он все еще следит за ней. Она не потеряла его. Ее слова не остались без внимания. Он держит их. Он держит их в крепких объятиях, стараясь, чтобы ни одна из них не выскользнула и не упала на землю. Он признает и ценит каждую из них.

"Долгое время все, что у меня было от нее, - это тренировки, которые она мне прививала, поэтому я только этим и занимался. Я тренировался от рассвета до заката. Иногда дольше. Пока мои руки не переставали выдерживать собственный вес. Ноги кричали и просили остановиться. Глаза грозили закрыться, как последняя надежда сохранить жизнь. Но мне было все равно. Я был зол. Я не хотел признаваться себе в этом, но у меня было разбито сердце. И каждый день, когда я выходил на то место, где мы тренировались, я злился еще больше и заставлял себя еще больше напрягаться. Потому что ее там не было, она ушла. Как и все остальные".

Из ее глаз вытекает маленькая слезинка, но вместо того, чтобы вытереть ее, он смотрит, как она падает.

"Благодаря ей я стал таким сильным, как сейчас. Она вынесла всю тяжесть. Она была всем, кем угодно, кем нужно было быть... для меня. Она была для меня всем".

Он слушает, вникая в каждое слово. И по мере того, как окружающая темнота все больше подчеркивает свет луны, они все глубже и глубже проникают в его мысли.

Кацумэ вытирает щеку и мягко улыбается: "В общем, некоторые жители моей деревни старались изо всех сил заботиться обо мне, хотя я была слишком упряма, чтобы позволить им это. Они оставляли хлеб на крыльце, рисовые шарики и другие лакомства. Я никогда не открывал дверь, когда они приходили. Я просто переступал через все. В конце концов, одному из жителей деревни это надоело. Господин Танака практически вытащил меня из дома, чтобы я поужинал вместе с его семьей. Я выкрикивал ругательства и упирался каблуками в землю. Я даже поднял на него руку. Он остановился на месте и задал мне до глупости простой вопрос. Мне станет легче? Если я его ударю? Это был такой глупый вопрос, но то, как мягко он смотрел на меня, несмотря на мою враждебность, заставило меня прислушаться. Я понял, что вся моя злость и гнев ничего не изменят. Ее все равно не будет, и она будет разочарована. И пока я молча размышлял над его вопросом, он провел меня в дом, усадил и налил мне миску никуджаги. Я поела и молча ушла, но после этого стала открывать дверь. Я съел картофельный хлеб, оставленный для меня на крыльце. И я уже не была такой злой".

Какаши наблюдает за тем, как ее улыбка становится чуть теплее. Кусочки головоломки неуклонно встают на свои места, и отстраненный взгляд, который он постоянно ловил на себе, начинает обретать смысл. Он хотел большего, он что-то искал. Он не знает, что это такое и почему ему так важно найти это, но он будет слушать столько, сколько потребуется. Пока то, что он ищет, не станет известно, и он сможет удержать это рядом с собой, стараясь не дать ему упасть.

"Они давали мне мелкую работу, потому что я был слишком горд, чтобы брать не заработанные деньги. Так продолжалось до тех пор, пока я не скопил достаточно денег, чтобы отправиться в самостоятельную жизнь. Мне было шестнадцать лет, когда я покинул свою деревню. Дакухосу, мой попутчик и призванное мною животное, взял меня с собой, куда бы я ни захотел. Мы побывали везде, где только можно. Во время своих странствий я узнал, что такое охота за головами и что она за собой влечет. В то время мне казалось, что это наиболее близко к тому, чем хотел бы заниматься Старый Летучий Мышь. Своего первого беглеца я поймал в день своего восемнадцатилетия. Острые ощущения сами по себе были достаточным стимулом для того, чтобы продолжать работу. Я нашел то, что заставляло меня чувствовать нечто большее, чем просто гнев. И я принял это. Я вложил в это все свои силы. И по сей день у меня отличная успеваемость. И после долгих лет работы над собой я стал получать признание и гордиться тем, что то, что я делаю, может сделать этот мир немного лучше. Но я обманывал себя. Потому что я делал это не для этого. Я бежал, отвлекаясь от реальности, в которой я был один. Время от времени я возвращался в свою деревню. Последний раз это было около месяца назад, и тогда я нашел свиток, оставленный Старой Летучей Мышью перед ее кончиной. Тогда я узнал, что моя мать жива, но тогда же я понял, что она меня бросила. Мне нужны были ответы, и на следующий день я начала свое "путешествие самопознания".

Она испустила измученный вздох: "Извините, что вываливаю на вас травму, но вы сами запросились", - она смеется, но он не замечает в этом звуке искренности.

"Хм, это действительно была длинная история, которая привела к другой длинной истории", -

все равно отвечает он на ее смех.

Кацумэ снова подтягивает колени к груди, свободно обхватывает их руками и ленивым жестом обращается к нему: "А ты? Какова твоя длинная история?"

Какаши усмехается, вставая и похлопывая себя по плечу: "Мм, я не очень люблю рассказывать. Может быть, на другом свидании".

"О? На нашем третьем свидании?" - самодовольно спросила она.

"Скорее всего, нет. Но, может быть, на пятом, а может быть, на восьмом или десятом", - он мягко улыбается, в его взгляде столько искренности, сколько нужно, - "Пока нет, но со временем".

Она мягко улыбается,

"Тогда это свидание".

Он поворачивается и, уходя, небрежно машет рукой: "Тренировка ровно в шесть утра. Не опаздывайте", - приказывает он через плечо, после чего исчезает по лестнице, ведущей на крышу.

Кацумэ оглядывается назад: полная луна ярко светит ей вслед. Кацумэ улыбается в ответ, и в ее голове проносится далекое воспоминание.

Я люблю тебя больше, чем полная луна в полуночном небе.

<http://tl.rulate.ru/book/95482/3249966>